

Память народная

Поспеши сказать спасибо ветеранам,
В скором времени ты можешь не успеть.
Поклонись заслуженным их ранам,
Теплотой души старайся обогреть.

Александр Захаров

*В оформлении страницы использована
фотография «Ветеран и девочка»
Анатолия Еврилова, внештатного
фотокорреспондента областного
совета ветеранов войны и труда г. Рязань*

Елена Зоценко, победитель XII Международного конкурса «Во имя мира на Земле», Москва

«ПРОШЛОЕ НИКУДА НЕ УХОДИТ...»

(Карл Густав Юнг)

Зоценко Александр Иванович, 1940

Время. Прошлое. Настоящее. Будущее. Настоящее предопределяет будущее и связывает его с прошлым. Память противостоит силе времени, она преодолевает время и саму смерть.

Помню празднование 9 Мая в нашей семье. Это был особенный праздник. Собирались друзья отца, читали стихи, пели песни, вспоминали боевую юность. Это были люди со светлой душой, во всём искренние, ценившие любовь, дружбу, чувство долга, преданные Родине, профессионалы дела, которыми занимались.

Свою первую боевую награду – медаль «За оборону Москвы» мой отец – Зоценко Александр Иванович получил в 1941 году. В составе Курсантского полка, сформированного из преподавателей и курсантов «Московского Краснознамённого Училища Верховного Совета СССР», он участвовал в боях за оборону Москвы.

После расформирования полка, в звании лейтенанта, он был направлен в политотдел 751-го авиаполка бомбардировщиков дальнего действия. В 1943 году полк вошёл в состав 81-й гвардейской авиационной дивизии бомбардировщиков дальнего действия под командованием А.Е. Голованова. В составе этой дивизии мой отец прошёл боевой путь до Победы 1945 года.

Вначале полк базировался на острове Эйзель (Сааремаа). 11 августа 1941 года лётчики полка под командованием Тихонова В.Г., выполняя распоряжение Верховной Ставки, произвели бомбар-

дировку промышленных и военных объектов Берлина. Никто не предполагал тогда, что до светлого дня победы над фашистской Германией пройдёт 1418 суток военных дней.

«Личной гвардией Сталина» называли авиацию дальнего действия (АДД). Она была создана, как отдельное формирование, в марте 1942 года для стратегически важных действий на всех фронтах. До декабря 1944 года АДД подчинялась лично Сталину. В начале формирования АДД была представлена 350 бомбардировщиками, а к исходу войны в её составе было уже более 2000 самолетов.

Каждая третья авиабомба, сброшенная на врага – заслуга экипажей авиации дальнего действия. В трофейных документах немецкой разведки лётчикам этого формирования была дана высокая оценка. Более 6000 боевых вылетов произвели они за годы войны. На всех фронтах, – в битве под Москвой, на Курской дуге, на Ленинградском фронте, в Сталинградской битве, освобождении Крыма, Севастополя, Украины, Белоруссии, Белграда, Будапешта, Вены принимали участие лётчики авиации дальнего действия. Военными наградами, званиями Героя Советского Союза и вечной памятью благодарных потомков отмечен вклад лётчиков авиации дальнего действия в Победу 1945 года.

Работа политработников дивизий должна была преломляться в повседневных боевых делах, предавать им ещё большую значимость и весомость. Помимо основной службы в политотделе дивизии, мой отец, Зоценко Александр Иванович, писал о боевых буднях и подвигах своих товарищей во фронтовые газеты, отдавая дань их отваге и мужеству. «Вся Отчизна наша объята великим пламенем героизма», – эти слова Валерия Чкалова замечательно характеризуют

ют настрой людей, выстоявших в той великой битве. Книги «По целям ближним и дальним», «К победным рассветам» и «Операция Б» посвящены боевому пути лётчиков авиации дальнего действия.

После окончания войны мой отец, Зощенко А.И., остался в рядах Советской армии. Закончил Военную академию, служил в группе советских войск в Германии, в частях радиоразведки, в созданных после войны ракетных войсках стратегического назначения (РВСН), работал в военном училище, готовящим специалистов РВСН. Возглавлял училище на момент его службы Герой Советского Союза генерал-лейтенант Тихонов В.Г., в прошлом боевой командир моего отца. На протяжении всех лет службы мой отец продолжал заниматься журналистской деятельностью. После окончания службы в армии мой отец работал в общественной приёмной газеты «Известия», состоял членом Союза журналистов, являлся корреспондентом газеты «Известия», лектором общества «Знание» по вопросам международной политики, сотрудничал с газетой «Красная Звезда».

Мой отец, Зощенко Александр Иванович, 1921 года рождения, осенью этого года мог бы отметить свой 100-летний Юбилей. Я пишу в память о нём, как о представителе поколения, отстоявшего жизнь, свободу нашего Отечества, мирное небо над землёй для многих народов мира. Мой отец всегда занимал активную жизненную позицию, отличался прекрасной эрудицией во многих областях знаний, всегда был готов бороться с несправедливостью. Он был истинным патриотом Родины, бесконечно дорогим и уважаемым человеком для знавших и любивших его родных и друзей.

Умер он в 1982 году, внезапно, от инфаркта. Светлая ему память и низкий поклон всему поколению, к которому принадлежал мой отец!

«Доблестно жившие, смерть сокрушившие, – слава о вас никогда не умрёт».

«Есть такая профессия – Родину защищать», – это и о мужчинах моей се-

мьи. Мой дедушка, Вицеляров Пётр Михайлович, 1900 года рождения, воевал в Гражданскую войну, имел личную награду от маршала С. Буденного, в Великую Отечественную войну работал на прифронтовой железной дороге.

Отец моего мужа, Степанов Юрий Николаевич, 1928 года рождения, и мой муж, Степанов И.Ю., 1951 года рождения – ветераны Вооружённых сил России. Степанов Ю.Н. служил на Дальнем Востоке, занимался учёбой и воспитанием курсантов, возглавлял учёный совет Высшего военного училища, его научные работы имеют важное значение для освоения космоса и развития ракетостроения. Служба моего мужа Степанова И.Ю. была связана с обеспечением безопасности нашего государства. Все они имеют ордена, медали и другие почётные награды государства. Как неугасимый маяк для потомков должна быть память о достойных представителях своей семьи, о славном прошлом своего Отечества.

Я рада, что возникло движение «Бесмертный полк», – ещё одна возможность отдать дань памяти потомков тем, кому они обязаны жизнью и мирным небом дней настоящих.

«Слава вам, храбрые, слава, бесстрашные, Вечную славу поёт вам народ. Доблестно жившие, смерть сокрушившие – Слава о вас никогда не умрёт».

Фронтовые друзья, 1955

Анатолий Целлер, академик МАНЭБ, президент Общественного фонда «Феликс», Москва

ДВА ПОДВИГА АЛЕКСЕЯ БЕРЕСТА

Алексей Берест

О Великой Отечественной войне и её героях написаны тысячи книг и снято не меньше фильмов... И очень жаль, что со временем становится всё меньше тех, кто знает о ней не по книгам и фильмам, а по участию в реальных её событиях. Уходят из жизни ветераны... Остаются только их воспоминания и воспоминания тех, кто близко общался с ними. Как ни странно, но так уж распорядилась судьба, что ещё мальчишкой-школьником мне доводилось встречаться с удивительными людьми, героями книг Александра Бека «Волоколамское шоссе» и «За нами Москва»... Они были моими земляками из Казахстана, воевавшими в составе знаменитой Панфиловской дивизии. В нашем клубе, в Караганде, нередко устраивались встречи молодежи с ветеранами войны. Бывали нашими гостями и пулемётчик Иван Блоха, и разведчик Илья Сьянов, который стал одним из участников водружения знамени Победы над Рейхстагом! Они говорили о войне как-то по своему, обыденно и просто... Но их рассказы были для нас чем-то потрясающим воображение. Со времени тех встреч прошло уже полвека, но они никогда не сгладятся в памяти. Вечная Слава и бесконечная наша благодарность всем ветеранам, прошедшим через суровые испытания Великой Отечественной войны! И фронтовикам, и работникам тыла, делавшим всё, что было в их силах, для приближения нашей Великой Победы!

Сегодня мне хочется рассказать и напомнить об одном из них... Я увидел его

впервые в августе 1965 года в Ростове-на-Дону, когда он шёл по коридору мореходного училища имени Г.Я. Седова, направляясь к кабинету начальника училища. Красивый, стройный офицер, с боевыми наградами и Звездой Героя Советского Союза на форменном кителе, – он шёл, печатая каждый шаг, и его шаги гулко раздавались по всему коридору. Мы, группа абитуриентов, стоя вдоль стенки, смотрели на него, затаив дыхание. Звезда Героя, да и весь его облик – просто завораживали! Это был Алексей Берест... Тот самый, который в звании лейтенанта, в составе батальона капитана Неустроева не только участвовал в штурме Рейхстага, но лично сопровождал группу бойцов на его купол для водружения на нём Знамени Победы. Сегодня беру в руки толстенный «Советский Энциклопедический Словарь» 1976 года. Хочу посмотреть, что там пишут об этом Герое... А там не пишут ничего! Есть Беренс Фриц, – германский архитектор. Есть Берест – дерево рода ильм. И есть Береста и Берестяные грамоты... А Героя штурма Рейхстага Алексея Береста там нет! Потом мы учились вместе, на одном курсе, с его сыном, – тоже Алексеем. С Лёшкой мы стали друзьями, и, конечно же, упростили его пригласить отца на встречу с нами, курсантами. И такая встреча состоялась. Очень жаль, что не было у нас в ту пору никаких диктофонов и смартфонов... Он рассказывал даже не о себе. Он говорил о боевом пути своего батальона, о своих товарищах по оружию, о тех, кто вместе с ним сражался на подступах к Рейхстагу и внутри него, и о тех, кто обеспечивал проход знаменной группы на купол Рейхстага. (Разведчик Илья Сьянов, как я уже упоминал, – был одним из них...) Потом были вопросы. Я задал, навер-

ное, глупый вопрос. Я спросил: не было ли ему страшно там, внутри Рейхстага, и особенно в то время, когда его группа пробивалась на купол? Он ответил коротко: «Да не было там времени бояться... Был бой, а в бою думают только о том, как лучше выполнить поставленную задачу!»

Прошло несколько лет и мы, ростовчане, снова услышали об Алексее Бересте. Герой войны вновь совершил героический подвиг... На этот раз – последний в своей жизни. Это произошло под Ростовом, на железнодорожной станции, где Берест ожидал на перроне электричку. Какая-то «раззява-мамаша» не уследила за своей малолетней дочерью,

и ребёнок оказался на рельсах. Уже нарастал грохот товарного поезда, идущего проходом через станцию... Алексей не раздумывая, – не было времени бояться, – первым бросился на спасение! Он успел выхватить девочку из-под колёс поезда и отбросить её в сторону... Себя спасти он не успел...

Существует у нас такое изречение: «В жизни всегда есть место подвигу!» И действительно оно есть, – и в бою, и в мирной жизни... И, конечно же, каждый может совершить свой подвиг... Но для этого надо проявить определённую смелость, – иногда очень большую! Для этого надо быть Героем! **АЛЕКСЕЙ БЕРЕСТ БЫЛ НАСТОЯЩИМ ГЕРОЕМ!**

БАЛЛАДА О ПОГИБШЕМ БАТАЛЬОНЕ

Прозрачный день, от солнца чуть горяч,
внимает трелям соловьиных песен.
Мальчишки на лугу играют в мяч...
Прекрасна жизнь, и этот мир чудесен!

На этом месте шёл жестокий бой...
Сегодня только лёгкий шум дубравы
да воздух безмятежно-голубой –
таят в себе боль Памяти и Славы!

Бойцы пришли с Парада, и снега,
притоптанные матушкой-пехотой, –
застыли в ожидании врага
пред грозною солдатскою работой.

Спокойно, деловито залегли
у этой вот красавицы-опушки...
И не было для них другой земли...
И ни одной такой бы нужной пушки...

Не выдаст Бог – свинья-фашист не съест, –
шутил сержант, трудясь над «самокруткой».
Продрогший лес на пару верст окрест
дышал последней мирною минуткой.

А враг пошёл волною за волной, –
живую смесь дыма, тел и стали...
И небеса, зажжённые войной,
убитых души принимать устали.

Закон войны безжалостен и прост:
«Не ты – тебя!», – ну что тут говорить...
И встал комбат во весь немалый рост:
«Дадим, ребята, фрицу прикурить!»

Бой рукопашный – страшен и кровав...
Его постичь не каждому дано...
В нём забывают воинский Устав...
И он красив бывает лишь в кино!

Враг брал числом, – шёл три на одного,
и было много у штыков работы...
Здесь в плен не брали, – не было кого, –
лишь мёртвыми на снег ложились роты!

И, дрогнув, враг стал пятиться назад
от страхов, что с ума, порою, сводят...
И кто-то, подавив на миг азарт,
вдруг закричал: «Смотри... Они уходят!»

Да, – враг бежал... Четыре автомата
вели огонь противнику вдогон!
Четыре победителя – солдата!
Четыре роты – значит батальон!

А на стене Рейхстага, в сорок пятом,
фамилии писал седой солдат,
шепча тихонько: «Этот был комбатом...
А это вот, – за них, за тех ребят!»

Виктор Богдан, военный фотокорреспондент, председатель Совета регионального общественного движения участников боевых действий «Ветераны Кавказа», г. Серпухов, Московская область

МОИ ДЕДЫ

22 июня 1941 года, начало войны, мой дед Антон с семьей встретили на хуторе около деревни Лопухово Слонимского района тогда Барановичской (ныне Гродненской области) Беларуси. До освобождения, в 1939 году, крестьян тогдашней Западной Беларуси власти панской Польши переселяли из деревень и сел на опушки леса, на лесные поляны или просто в поле, чтобы всех разъединить и таким образом побороть «большевикскую заразу».

Хутор деда находился вдали от основных дорог, ведущих на Белосток и пограничный Брест, до которого было 160 километров. Сейчас на автомобиле это расстояние можно спокойно преодолеть за 2 – 3 часа. Тогда, 22 июня, фашистские колонны с бронетехникой появились в родных мне местах, на тракте Ружаны – Слоним к полудню.

Несмотря на тогдашний уровень коммуникации и связи, следует отметить высокую оперативность и организован-

ность мобилизационной работы предвоенных военкоматов. Уже ранним утром 22 июня 1941 года на хутор прибыли автомобили, чтобы по плану военного времени доставить на сборный пункт военкомата всех запасников, включая и моего деда. Но в автомобиле хватило места только брату деда, Александру, его и увезли на сборный пункт. Мой родной дед Антон пошел пешком до районного центра 23 километра, где находился военкомат.

Не дойдя до города, он узнал, что немцы уже заняли Слоним, сам услышал как началась бомбежка строящегося военного аэродрома и увидел колонны бронетехники на дороге, которую нужно перейти, чтобы вернуться обратно домой. Как вспоминают старожилы, фашистская техника шла денно и нощно пять суток. Дорога домой была отрезана. Скрываясь от немцев в хатах родственников и знакомых, дед только через трое суток, передвигаясь ночами, добрался до родного хутора.

А брата деда, как и всех уже прибывших на сборный пункт военкомата, немцы построили в колонны и под охраной автоматчиков погнали на Запад за 42 километра, в поселок Ружаны. Здесь, в разрушенном замке польских магнатов Сапегов, за рядами колючей проволоки был обустроен временный лагерь для военнопленных. По дороге в лагерь в одной из деревень Александра увидел знакомый мужчина, который передал эту недобрую весть жене. Собрав самое ценное, что было на то время в доме, она пошла в лагерь, чтобы спасти супруга. Через неделю после долгих поисков, уговоров, доказательство того, что он местный житель, и торгов с комендантской службой лагеря, баба Вера смогла освободить своего мужа. Плен даром не прошел, как оказалось

позже, дед Александр заболел туберкулезом.

Дед Антон добрался домой, пережил с семьей все лихолетье оккупации с 1941 по июль 1944 года. В то военное время главная забота его и супруги, моей бабушки, было накормить и одеть шестерых маленьких детей. После освобождения Беларуси он был призван в ряды Красной армии и, как свидетельствуют документы, сохранившиеся до сих пор в Подольском военном архиве, прибыл на фронт 23 марта 1945 года, а 19 апреля у города Бранденбург, что в 17 километрах восточнее Берлина, был убит. На самом деле, это не соответствовало действительности. В быстро меняющейся обстановке наступления строевой части полка было не до точных подсчетов. Нет в полку – значит убит. Рядовой Богдан Антон Андреевич трое суток лежал на немецкой земле и был обнаружен с признаками жизни похоронной командой, которая и доставила его в полевой госпиталь. Разрывная пуля снайпера, пробив ребра, прошла около сердца, часть осколков были извлечены. В 1946 году Антона Андреевича из госпиталя при-

везли домой, почти как в песне поется «...На полutorке к самому дому».

Через несколько лет после Победы, когда Антону Андреевичу было 48 лет, его не стало. Оставшийся осколок пули дошел до сердца, и оно перестало биться. Похоронили деда на деревенском кладбище.

Второй дед, по маминой линии, украинец Маркевич Михаил Андреевич погиб 31 января 1945 года в Восточной Пруссии, как написано в похоронке, в Кенигсберском округе, в деревне Вальджус.

В семье тоже осталось шесть детей. Вся забота о детях легла на плечи моих любимых бабушек – солдатских вдов: Богдан Феклы Петровны и Маркевич Марии Емельяновны. Дети фронтовиков выросли, получили образование, определились достойно в жизни, мужчины все отслужили в армии.

Два внука погибших фронтовиков стали профессиональными защитниками Родины и сами знают реальную цену Мира, который подарили нам всем их родные деды – солдаты Великой Отечественной войны.

Юрий Еремеев, член Союза журналистов России, город Старая Купавна, Московская область

МАЛЬЧИШКИ И ВОЙНА

Будущая Отечественная война сделала свою роковую отметину на его судьбе уже в день его рождения. Появился на свет Анатолий Мерзликин 22 июня. В самый страшный для советских людей день, когда Молотов прочитал обращение к народу о вероломном нападении Германии на СССР, Анатолию исполнилось ровно 10 лет. Через три года - в июне 1944-го - воспитанник 352-го стрелкового полка 107-й гвардейской стрелковой дивизии стал сыном полка.

Анатолий Мерзликин

Рос он в Купавне, в бараке заводского посёлка. Вначале семья проживала на территории Докторовского завода. Отец работал кинологом в охране. У них дома даже жила огромная овчарка, которая за добросовестную службу имела грамоты. Рос, как практически все мальчишки, озорным, часто дрался, домой приходил по вечерам с синяками. Но совсем не уличные драки закаляли характер парнишки. Он уже в свои десять лет был воином.

В первый год войны над Купавной часто летали самолёты, - и «свои», и немецкие. Враг летел дальше на восток, бомбить Электросталь. Но частенько самолёты заходили на боевой курс и обстреливали бараки, бегущих людей, стреляющих из окопа солдат. Гильзы от пулемётов буквально сыпались с неба. Их собирали купавинские ребяташки, хвалились, кто больше найдёт. У них была своя «война». Ведь по летящим в небе фашистам они стреляли из рогаток! Это была их посильная помощь отцам, которые ушли на войну. Благо, что матери были на заводе и не могли пре-

сечь этого «героизма». Уже тогда Толя Мерзликин мечтал бить врага на фронте. Пройдёт совсем немного времени...

«Дело было в Альпийских сопках, - вспоминал Анатолий Михайлович. - Мой товарищ получил задание - разведать, откуда враг ведёт по нам огонь и ликвидировать огневую точку противника. Я упросил его взять меня с собой. Долго мы ползли по сопкам, но враг хорошо замаскировался, обнаружить его не удавалось. Тогда товарищ встал, чтобы привлечь внимание врага, наказав мне следить, откуда будут выстрелы. Враг попался! Снайпер находился в дупле старого дуба. Но один из выстрелов ранил бойца. Вспомнив задание, осторожно пополз к дубу. Выхватил гранату, выдернул чеку и бросил. Дуб вместе с врагом разорвало, а меня отбросило в сторону. Опомившись, пошёл на помощь товарищу. С трудом доставил его в санроту...»

В школе №22 в войну размещался госпиталь. Школьники навещали раненых, читали им письма, выступали с художественной самодеятельностью. А вскоре в Купавне стали дислоцироваться воинские части: призывники проходили курс молодого бойца, переформировывались уже побывавшие в боях подразделения. Солдаты стали самыми близкими товарищами мальчишек. Всё свободное время Анатолий проводил с ними. Освоил страшные качели, которые стояли на улице Матросова, на них парашютисты тренировали свой вестибулярный аппарат. Помогал на кухне девушке Тамаре, которая готовила обед солдатам: носил воду, разжигал печь, кашеварил. Столовая находилась на первом этаже двухэтажного дома, который стоит сейчас на улице Кирова - напротив бывшего здания ДЮСШа. Когда обед заканчивался, брал в ведрах остаток и нёс домой на улицу Шевченко. Там уже сидела за столом ребятня из своего и соседнего дворов с ложками и мисками, ждали

Толика. Накормит всех, вёдра обратно отнесёт. В войну не голодали, около солдат подкармливались ребятишки.

Вспоминает младшая сестра – Валентина Михайловна Еремеева: «Поздней осенью сорок третьего года военная часть из Купавны была направлена в Монино – грузиться на эшелон. Товарищи двенадцатилетнего Анатолия уезжали на фронт. Узнав, что сын уже в эшелоне, наша мама – Анна Ивановна Мерзликина – побежала прямо с завода, где работала аппаратчицей, в Монино и привела непослушного Толю домой. На другой день она закрыла в шкафу его верхнюю одежду и ушла на работу. Толя вылез через кухонную форточку и в одних трусах по первому снегу убежал в Монино. На снегу отпечатались ступни его босых ног... Когда мама снова прибежала в Монино, эшелон уже ушёл.

Анатолий был старшим в семье. Мама растила нас четверых одна, отец был на фронте. Когда Анатолий исчез из дома, места себе не находила. Писем не было полгода. От предчувствия чего-то страшного поехала даже в Ногинск, посоветовали обратиться к заезжей сербке, говорили, что хорошо гадает. Но та успокоила: ты просто ничего не знаешь, жив твой сын, жди. А в это время Анатолий был контужен и просто не мог писать письма».

«Я был в разведке, когда меня обстреляли немцы из пулемёта. Подполз к ним близко и забросал гранатами. Тогда полегло девять немцев. А потом выбежал на улицу, смотрю – на дом ползёт «фердинанд». Недолго думая, хватаю вещевой мешок одного офицера, в котором лежали гранаты. Пополз по-пластунски. Совсем близко подполз и бросил гранату под самые гусеницы. Что было дальше, не помню. Меня отбросило в сторону, и я потерял сознание... Положили в госпиталь...»

Было ему всего тринадцать. Не мог мальчишка далеко бросить тяжёлую гранату, вот и накрывала его взрывная волна. Однако прошёл вместе с бойцами части Анатолий Мерзликин Австрию, Румынию, Чехословакию, Венгрию. Бойцы всячески

оберегали мальчика, держали его подальше от огня, но усмотреть за вездесущим мальчишкой всё же не могли. Да и как убережешь, когда враг отчаянно сопротивляется. Однажды зимой подразделение оказалось в окружении. Выходили ночью вплавь через ледяную реку. Толя тогда сильно застудился. Эта болезнь в дальнейшем прогрессировала, у него уже после войны стали отниматься ноги. Он буквально не вылезал из больниц и госпиталей.

Вернулся Анатолий Мерзликин в родную Купавну, как возвращаются герои, – его скроенная по фигуре гимнастёрка блестела от боевых наград. Рядом с медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За взятие Вены» красовался орден Славы III степени.

После войны он окончил школу, вечерний техникум, любил участвовать в художественной самодеятельности вместе с братом Юрием и сестрой Валентиной. Работал на Купавинской фабрике, на заводе «Акрихин» – токарем, электромонтёром. Вообще, он активно участвовал в общественной жизни Купавны. Его любили приглашать на встречи в школы, в интернат, в детский санаторий. Сыну полка везде были рады. О нём много написано.

Вспоминает Людмила Николаенко: «Он был бесстрашным солдатом в свои 13 лет, об этом говорят его боевые награды. А мне хочется рассказать, каким он был в мирной жизни. Когда я приехала в Купавну, Анатолий был одним из первых, с кем я познакомилась. Он дружил с девушками из комнаты, куда меня поселили. Комната благоухала цветами, которые он постоянно приносил. Он всех уважал, но одна нравилась ему больше других.

Он всегда ходил с ватагой ребят, возил их на разные мероприятия в Москву. Ясно было, что это вожак, авторитет».

Было ему неполных 45 лет. Он ушёл из жизни в апреле 1976 года. Война надорвала его здоровье. С памятью человека бывает так: однажды словно сходит с неё снег, и события давно минувших дней становятся близкими и отзываются болью в сердце.

Николай Кравченко, лауреат Народной премии «Память народа»: «Во имя мира» в номинации «За сохранение исторической памяти», 2020 год, г. Москва

22 июня

Нельзя забыть такую ночь,
Которая стоит в июне,
Когда душе не превозмочь
Птиц голоса и полнолуние...

Когда такая благодать,
Что только звуки слушать надо,
А право видеть и дышать
Воспринимаешь, как награду!..

Когда, лишь отгорит закат,
Уж ловишь признаки рассвета,
Когда в который раз подряд
Ошеломляет буйство лета!..

И ты пытаешься представить,
Что вдруг взорвётся тишина...
И ничего нельзя исправить –
Потом на всех была – ВОЙНА!..

Над Бугом утренним опушка
И пограничников наряд,
И довоенная кукушка,
И первый вражеский снаряд...

Беда, в которой нету бродя,
Людскому горю нету дна...
На всех, на все четыре года
Она, как Родина, одна!..

июнь 2003 г.

* * *

«Спасибо деду за Победу!» –
Читаю я в который раз,
Когда под праздник в пробках еду, –
Она веселей многих фраз!..

И вспоминаю своего я,
Причём двоих, не одного,
Я дал бы каждому Героя
И стоя выпил за него!

Прошёл войну мой дед Василий,
Он пролил кровь свою в Крыму,
Где с поля боя выносили
Его без памяти, в дыму...

Порвали плоть не злые волки,
Оставив шрамов страшный след, –
Не все фашистские осколки
Летели мимо, в рикошет...

Пусть голова пробита тоже, –
На ней под «ёжиком» седым,
Как нерв, пульсировала кожа, –
Остался дед непобедим!

Любил он жизнь и нас, хоть тресни,
Молчал при внуках о былом
И пел украинские песни
Всегда за праздничным столом...

Внимали мы его наказам, –
Копить не золото-серебро,
Обогащать познанием разум
И делать ближнему добро!..

Мой дед по матери – Григорий,
Молотобоец и кузнец,
Хлебнул по ноздри лихо-горе,
Неся терновый свой венец!..

Видать, судьба не выбирала,
Деля на всех тогда вину, –
В суровых лагерях Урала
Познал он голод и войну...

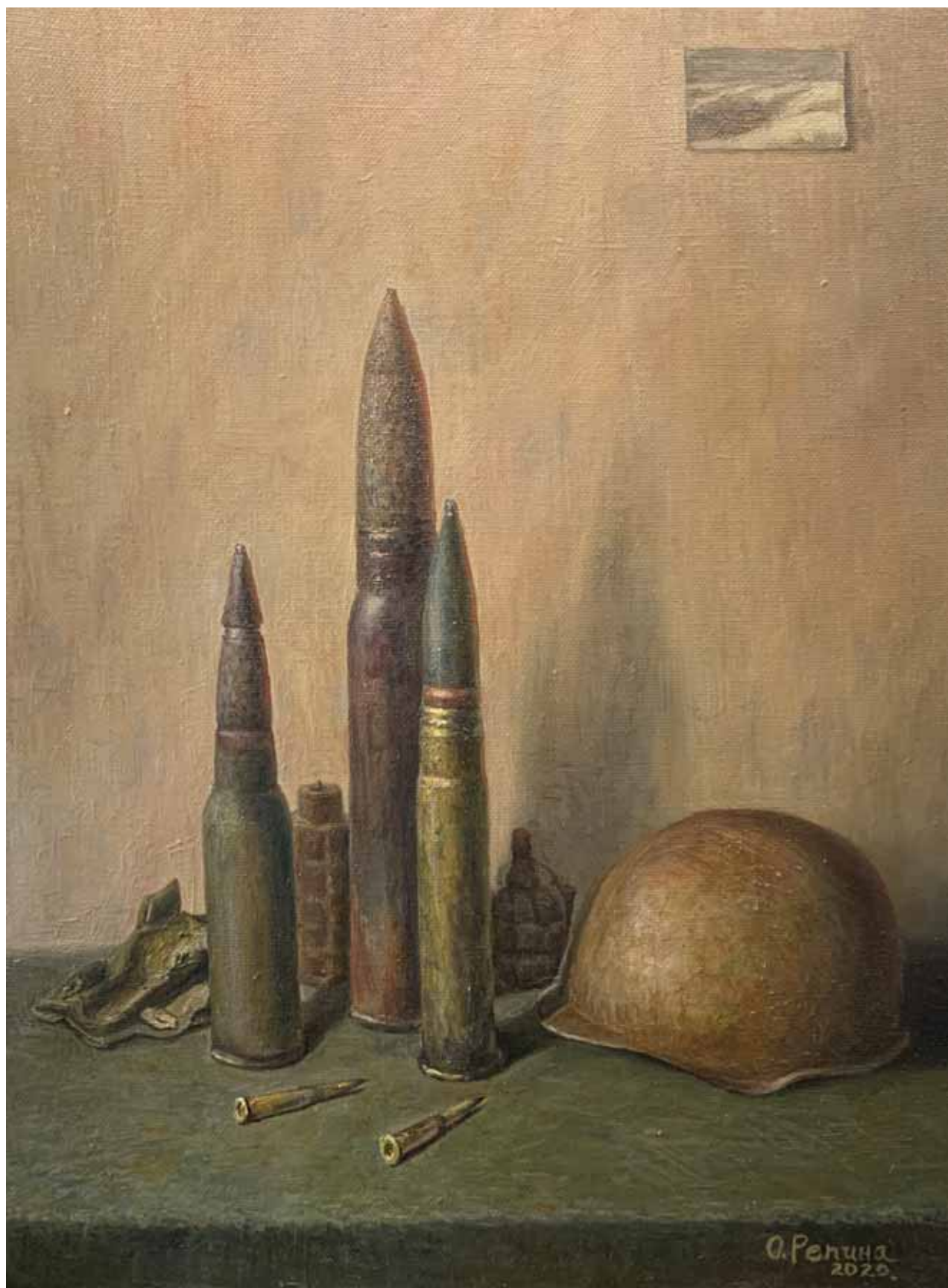
И не украсили медали
Его натруженную грудь, –
Ошибка вышла, оправдали,
Но как же больно, не вздохнуть!..

Не злость – работа закипела,
Без дела не сидел ни дня...
Пила и та в руках «запела», –
Учил он плотничать меня!..

Как Тёркин, сыпал прибаутки,
Он был в компании душой,
С друзьями не скупой на шутки,
Надёжный, Добрый и Большой!..

Вы перешли такие беды...
Как только выдюжить смогли?!
Спасибо, Деды, за Победу!
И мой поклон Вам до земли!..

май 2013 г.

Ольга Репина, член Творческого Союза художников России, лауреат Международного конкурса «Во имя мира на Земле», г. Люберцы, Московская область

«Натюрморт. Память», холст, масло, 70x50, 2020

Сергей Пастухов, заместитель главы администрации Богородского городского округа, член литературного объединения «Глагол» г. Старая Купавна Московской области

Вступление

Пусть аисты к нам снова прилетят
В своё гнездо, что рядом с нашим домом.
И подрастят к полёту аистят,
В краю до бесконечности знакомом.

Их перестук сливается с весной.
И кажется, что в этом перестуке
Судьба перекликается с судьбой,
Навек отодвигаются разлуки.

Вы не тревожьте аистов уют,
Ведь это души павших, а не птицы.
Пока они у нас ещё живут,
Мы можем счастьем мира насладиться.

Пусть аисты к нам снова прилетят...

22 июня

Малиновой нетронутой зарею,
Туманных сумерек пробив седую тень,
Над безмятежно спящею землёю
Рождался синеглазый день.

По-детски спал посреди лета
Советский тихий городок,
Не зная то, что с первым светом
Снов добрых завершится срок.

Проснётся он через минуту,
Разбудит всех нещадный взрыв,
Осколком время этим утром
На До и После разделив.

Война

Одно застыло на устах –
«Война» и ничего иного.
Фашизма чёрная пята
Мир под себя поднять готова.

Как в полдень туча на село
С околиц дальних налетела,
И всё, что жило и цвело,
Поблекло, сникло, опустело.

Ржаное загорелось поле,
Поплыл к восходу едкий смог
Предвестником нелёгкой доли
И долгих тягостных тревог.

Не стало слышно песен звонких...
Да многим их уже не петь.
И затаились похоронки,
Чтоб злобной сворой налететь.

А где он, рай?

Артподготовка шла минут пятнадцать,
А нам казалось – дольше во стократ,
И что творилось, то могло назваться,
Без умаленья, – жуткий, тёмный ад.
Взвивались взрывы на краю траншеи,
И вздыбленным столбом взлетал металл.
Наш старшина с простреленною шеей
Последние команды отдавал.

Грязь, дым, огонь, скорёженные души
(И ангелы зажмурились в тоске...)
Кто плачет, кто убит, а кто контужен,
Кто молится с иконочкой в руке.

Командир

Над картой, с воспалёнными глазами,
Не видевшими сна четыре ночи,
Стол освещая тусклыми свечами,
Склонился командир, уставший очень.

Полк оборону вёл все три недели,
И завтра наступления черёд,
А роты очень сильно поределели.
Он не пошлёт их в бой, а поведёт.

Ведь каждое решение – участь чья-то,
А каждая ошибка – чья-то кровь.
И как потом смотреть в глаза солдату?..
Ходил, курил и наклонялся вновь.

«Как поступить? Кого, куда направить?
Как накормить, помыть, обути, одеть?
Как без патронов взводы не оставить?
И как не дать напрасно умереть?»

Ольга Сухая, победитель XII Международного конкурса «Во имя мира на Земле», г. Севастополь

Нет войне!

С тобой, война, я лично не знакома.
Но мне достаточно рассказов, книг.
Ты не щадила никого, лишала крова,
А для кого-то был последний миг...
    Ведь, нет страшнее: не дожидаться мужа,
    И потерять родных детей, и духом пасть...
    Ты приносила беды, нагоняла ужас
    И открывала огненную пасть!
И клич: «Отчизна-мать зовёт!»
«Вставай народ! Вставай народ!»
Поднялись все: и стар, и мал,
Кто знал войну, и, кто не знал...
    Война... Беда и огорченье...
    Кровопролитье и мученье...
    И стоны над страной моей...
    И слезы наших матерей...
Все воевали до конца
Ради Победного венца!
Так скажем вместе: «Нет войне!»
Пусть будет мир на всей Земле!»

Я за жизнь!

Отгремели давно канонады,
Дни войны ушли в бытиё,
Но мой город, Севастополь славный,
Помнит всё! Не будь её,
Той войны, проклятой навеки,
Что заставила всех страдать, –
Не закрылись бы раньше веки
У героев войны! Не обнять
Родной матери сына и мужа,
А отцу – дочь и жену...
В жаркий зной и холодную стужу
Защищать надо было страну!
И без выбора, в дружном сплетенье,
Шли в бою молодые бойцы...
Тех, что только вчера с института,
Разослали во все концы...
И, как только дана команда:
«Дружно все за Родину-мать!»
Поднимались с флагом Союза,
Чтобы жизнь, не жалея, отдать!
Лишь бы враг, страшный захватчик,
Не прошёл, остался в плену...
Я за жизнь, я за жизнь, но знайте:
«Свою Родину не отдам никому!»

Мой родной – город-герой!

Севастополь – город славный:
Здесь я родилась, расту;
Моя родина, он – главный,
Потому его люблю.

Здесь и горы, и равнины,
И крутые берега!
Уголок, всеми любимый,
Ты родная мне земля!

Мой воскресший Севастополь, –
Легендарная судьба!
На груди твоей искрится
Пятикрылая звезда.

Залечу тебе я раны,
Ты прими поклон большой!
А у ног кладу тюльпаны,
Белокаменный ГЕРОЙ!

Май, 2012

Дети и война

Два таких понятия: как дети и война –
Они несовместимы... Нуждалась вся страна
В помощи – недетской. И, чтобы ей помочь,
Вмиг все стали взрослыми: и сын, и дочь.
Взрослые и дети наравне трудились,
И, конечно, ежедневно Господу молились,
Чтобы вражеская пуля их не задевала,
Пролетала мимо и жизнь даровала.
И в войну трудом своим помогали дети,
Чтоб приблизить всем победу...
Ни за что на свете, чтоб не снилась и во сне
Война роковая! Миллионы жизней унесла.
Унесла... Не зная, что разрушила талант
И судьбу навеки! И никогда не вернуться:
Пушкины, Дейнеки...
А сколько могла талантов страна прославлять!
Но молчат – они все в небе... Ангелы не спят!
Миллионы их ушло, чтобы мы с тобою
Могли мирно жить сейчас. Сильною волною
Прокотись ты, клич и зов, подними с дороги,
Оживи память о детях... Кланяемся в ноги
И склоняем головы в минуте молчания
За посильный труд детей и за их страдания!

**Валерия
Яйлоян,**
14 лет, МБУ
ДО ДХШ пгт.
Ильского МО,
Северский
район Красно-
дарского края

«После
бомбёжки»,
бумага,
акварель

Наталья Аролович, лауреат XI Международного конкурса «Во имя мира на Земле», г. Старая Купавна Московской области

МАМА

Трушина Мария Сергеевна. Вена, июль 1945

что-нибудь «о войне». Я всегда считала эти рассказы чем-то глубоко семейным, но сегодня, спустя много лет, мне захотелось поделиться воспоминаниями своей мамы о том времени.

В 1941 году моя мама перешла на последний курс Саратовского медицинского института. Через год после начала войны весь ее выпуск, едва получив дипломы, был отправлен на фронт. Моя мама — Мария Сергеевна Трушина — прошла почти всю войну в качестве военного хирурга в полевых госпиталях Воронежского и 1-го Украинского фронтов под командованием генерала Ватутина и маршала Конева. Победа застала ее в Бунцлау — местечке, до которого в свое время дошел наш великий соотечественник Кутузов. А дальше была ответственная работа в Вене, где мама задержалась почти на год.

Многие важные для советской армии сражения мама видела собственными глазами, являясь их непосредственным участником: это и битва на Курской дуге, и переправа советских войск через Дне-

пр, и освобождение Харькова, Киева, Львова. Участвовала она и в освобождении восточноевропейских городов, таких как Прага и Будапешт, которые практически не были разрушены бомбежками.

Когда шла битва танков на Курской дуге, в госпиталь постоянно приносили и привозили раненых бойцов нашей армии и пленных фашистов. Врачи лечили всех — и своих, и врагов, соблюдая клятву Гиппократова. Шум и грохот на поле сражения стоял такой, что, казалось, сейчас наступит конец света! И вдруг в один миг все стихло. Молоденькие врачи подумали, что все наши погибли и сейчас немцы придут за ними, чтобы их расстрелять. И они начали прощаться друг с другом. В этот момент зашел начальник госпиталя и сообщил, что наши в этой битве победили! Весь персонал госпиталя и раненые плакали от счастья!

Вскоре после наступления долгожданной Победы хирургический полевой госпиталь 1-го Украинского фронта, где воевала моя мама, был перебросен в Вену, где пробыл до лета 1946 года. Именно с этим городом у мамы были связаны самые теплые воспоминания, когда люди даже в тяжелое военное время продолжали оставаться людьми, любили, дружили и совершали человеческие поступки.

Мама рассказывала, что когда советские войска вошли в Вену, город как будто вымер. Людей на улицах не было, магазины были закрыты, а окна в домах — зашторены. Как выяснилось позже, покидая город, фашисты не только вывезли всю провизию, обрекая жителей Вены на голод, но и запугали их, сказав, что когда придет Красная Армия, их расстреляют за то, что они поддержали Гитлера. Поэтому жители попрятались по квартирам и подвалам. Выманить их

на улицу было просто невозможно. И тогда было найдено простое и гениальное решение: наше командование отдало приказ установить на городских площадях патефоны, подключить к ним громкоговорители и поставить вальсы Штрауса «Сказки Венского леса» и «Голубой Дунай», чтобы жители города слышали эту музыку. Музыкальные венцы, обожающие своих композиторов, начали выглядывать из окон, и когда они увидели советских офицеров и солдат, танцующих под звуки вальсов Штрауса, они очень осторожно стали выходить на улицы. Самые смелые подходили к нашим солдатам и начинали танцевать. Таким образом нашим солдатам удалось преодолеть страх местных жителей и наладить с ними контакт.

Оказалось, что в городе совсем не осталось продуктов, не пекли даже хлеб. Командование нашей армии организовало выдачу талонов на хлеб для жителей Вены, чтобы поддержать их.

В маминой биографии врача был еще один судьбоносный момент, связанный с

Веной. В городе проживал всемирно известный хирург Ханс Финстерер, который в то время был практически единственным в мире специалистом, проводившим операции на желудке. Хирурги госпиталя, где работала моя мама, приехали к нему с просьбой разрешить им присутствовать при одной из проводимых им операций, чтобы перенять его опыт.

Сначала, увидев наших военных, он испугался, но когда узнал, в чем дело, с радостью согласился. Как и все жители Вены, он голодал. Поэтому когда наши военные медики выложили перед ним паек с хлебом, тушенкой, маслом, кофе и сахаром, он был тронут до глубины души. Этих продуктов венцы не видели давно — с самого ухода фашистов. Именно в этот момент он понял, что советские люди пришли не убивать, а спасать...

Сегодня нам как никогда важно помнить о том, что своими жизнями мы обязаны великому поколению советских воинов-победителей. Без него не было бы нас, наших детей, внуков и всей нашей огромной страны — нашей Родины!

**Елена
Иванова,**
художник-педагог МБУ
ДО ДХШ
г.Сердобска,
член
Творческого
союза женщин
художниц
«ЭХО»
Пензенской
области

«Руки
Ветерана»,
холст, масло
2019

Наталья Ермоленко, победитель XII Международного конкурса «Во имя мира на Земле», п. Шепси Краснодарского края

ВСТРЕЧА В КУБИНКЕ

Этот небольшой рассказ о фронтовой любви длиною в жизнь

Ерилов
Сергей
Михайлович,
1943

Молодая красивая девушка Валя Петрова родилась в 1921 году в небольшой деревне Бучалы Рязанской области. Времена были тяжёлые, голодные, и семья уехала в Москву. В Москве жили бедно, но дружно, рядом с Кремлём на Болотниковской набережной в густонаселённой коммуналке. После школы с горки на портфеле через Москва-реку у кинотеатра «Ударник» - и домой. Потом работа на карандашной фабрике, планы на дальнейшее обучение, чтоб «в люди выйти», как говорили наши бабушки.

Но война разрушила все планы. С первых дней войны в Москву стали привозить раненых. Валя в первых рядах девушек-комсомолок пошла в Первую Градскую больницу учиться на медицинскую сестру. Работы в больнице было много, персонала не хватало, но хотелось на фронт, там нужнее. В начале 1942 года добилась своего и пошла

в ополчение. По Можайскому шоссе в Кубинке был развёрнут госпиталь. Раненых было много, да ещё зима, постоянные бомбёжки. Времени на отдых и сон не было, кругом кровь, боль, смерть.

И вдруг, среди всего этого ужаса, она увидела огромные карие глаза. На неё не моргая смотрел с больничной койки черноволосый парень. Он был ранен, весь в бинтах, но задорные молодые глаза искрились. Это был Сергей Ерилов - сибиряк, высокий, статный красавец. Сергей родился в 1919 году в Тюменской области, деревня Кашевская. Учился в Тобольском ветеринарном техникуме, был комсомольским вожаком. В 1940 году был призван в ряды Советской Армии в город Киров. Когда началась война, их, ещё мальчишек, отправили в Ровно в самое пекло. Отступали с войсками. Сергей был ранен под Москвой и попал в госпиталь в Кубинке. Так они встретились - медсестричка Валя и сержант Сергей. Она - хрупкая маленькая москвичка, и он - красавец сибиряк.

После госпиталя Сергея отправили на курсы артиллеристов, присвоили звание гвардии капитана, командира батареи № 5 1086 полка. В этом же полку служила и Валя. Отчаянный гвардии капитан Сергей Ерилов неоднократно ходил в разведку за «языком», да и вообще был всегда отважным храбрым офицером, недаром вся грудь в орденах. Вместе дошли до Курской дуги. Много погибло фронтовых друзей, поэтому особенно хотелось гнать врага с родной земли. Медаль «За Отвагу» Валя получила за переправу через Днепр, где не жалея себя хрупкая девушка вплавь переправляла раненных бойцов.

Долго скрывала от начальства, что ждёт ребёнка, потуже затягивала ремень, не боялась никаких заданий. Когда

*Ерилова
(Петрова)
Валентина
Лукьяновна*

всё стало явным, отправили нашу Валюшу в Москву, где родила она своего первенца. Имя дали Виктор (Победитель). Дальше ковала Победу в тылу на заводе, работая по 18-20 часов в сутки. Сергей со своим полком стремительно продвигался на запад, бил врага из всех орудий, ходил в разведку, – за Родину, за Сталина, за сына, которого не видел, но очень любил.

1945 год встретил в Венгрии, салютовал Победе. Дома его уже ждали жена Валя и сын Виктор, но гвардейский капитан, коммунист был назначен комендантом небольшого городка на озере Балатон и домой вернулся только через год в 1946 году. Приехал в Москву, забрал Валюшу и сына – и в Сибирь, поднимать сельское хозяйство. Страну надо было кормить. Был председателем колхоза и одновременно ветеринаром. Просторы огромные, работы много, всем хватало, но они были вместе – Валя и Сергей, прошедшие все ужасы войны, смотревшие каждый день в глаза смерти, потерявшие много друзей однополчан. Они выжили в этой страшной войне, получили ранения, но душа осталась светлой и доброй.

Родились ещё дети: Володя и Вера. И только в 1965 году предложили вернуться в Москву. Всё как в фильме «Офицеры». Серёжа посмотрел на Валю, – что ему делать в городе, где развернуться? Вот и порешили: переехать в Загорский район и устроиться работать ветеринарным врачом. Дом построили, баньку по-сибирски, по-чёрному.

Более 30 лет работал гвардии капитан Ерилов Сергей Михайлович в Загорском районе. В 1999 году его не стало. Повесила Валюша его китель с орденом Красной Звезды (орден спас жизнь, пуля попала в него) над кроватью, и висит он там по сей день. Каждый год 9 мая в доме собирается большая семья: приезжают дети, внуки, правнуки, родственники из Москвы, односельчане из деревни Закубежье Загорского района. Теперь уже бабушка Валя надевает ордена, садится за стол, и первую рюмку все стоя пьют за гвардии капитана Ерилова Сергея Михайловича – участника ВОВ, коммуниста, руководителя, врача, мужа, отца, деда и человека с огромной душой. В этом году 18 декабря 2021 года Валентине Лукьяновне Ериловой (Петровой) исполнится 100 лет.

Алевтина Журавлёва, Председатель Удомельского Городского совета ветеранов, Заслуженный учитель РФ, Почётный гражданин Удомельского района

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ (НАСЛЕДИЕ ВЕТЕРАНОВ ИЛИ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ)

“Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени”. Эти слова Н.А. Некрасова, русского поэта, как нельзя лучше подходят к истинным патриотам, учителям – участникам Великой Отечественной войны, на примере жизни которых нужно воспитывать у молодежи уважение к старшим, преданность своему Отечеству, прививать интерес к знаниям по истории, литературе, другим наукам. Самый верный путь приучить к почтительному отношению к своей стране – это сохранить коллективную память о страшной войне, о защитниках Отечества. Мой рассказ о поколении победителей в Великой Отечественной войне, которые после войны пришли на работу в школы Удомельского района и занялись созидательным трудом.

Каждого из них я знала лично, они встречались мне в разные периоды моей жизни и сыграли огромную роль в становлении моего характера. Моим первым учителем в 1954 году в Рудеевской начальной школе был Зольников Николай Николаевич. До сих пор помню, как он приезжал из деревни Островно в нашу деревню Стенецкое, оставлял мотоцикл, и мы с ним шли в школу до Рудеева. По дороге он всегда рассказывал что-то интересное, но я не помню, чтобы это были рассказы о войне. Да и все участники Великой Отечественной войны, с кем общалась, практически не вспоминали в то время о войне, они были на передовой, теряли своих друзей, и не любили говорить об этом. В 5 и 6 классах я училась в Верескуновской восьмилетней школе, где директором школы был Иванов Василий Тимофеевич, инвалид войны, потерял на войне ногу, ходил в протезе. Суровый, справедливый человек, любящий дисциплину и порядок,

требовал это и от учащихся школы. Кроотов Н.Н., Войнов П.В., Шутилов И.Д., Кудряшов Н.Е., Иванов Н.М., Громова П.П., Королева А.В., Сергеев Я.И., Прокофьев П.Ф. – это учителя – участники войны Удомельской средней школы. Они были моими учителями с 6 по 11 класс.

Трудовую деятельность я начала в Зареченской восьмилетней школе рядом с Грицаненко И.Т., учителем физики и черчения, инвалидом войны. В те годы руководители школ очень часто посещали школы района, присутствовали на уроках своих коллег и, естественно, лично знакомились. Так я познакомилась с учителями – участниками Великой Отечественной войны Брусовской, Еремковской, Мстинской средних школ, Сменовской восьмилетней. И в Молдинской средней школе, в которой я трудилась 9 лет директором, рядом со мной были участники Великой Отечественной войны – учителя Крылов М.К., Куницкий Б.Н., Крутин В.В..

И, наконец, в совете ветеранов великую огромную военно-патриотическую работу среди молодежи учителя – участники войны: Поляков Б.С., Азлецкий Л.С., Иванов Н.М., Кокорин Н.С., Архангельский Н.А.. Их не нужно было агитировать за патриотическое воспитание молодежи. Патриотизм у них и их детей был, что называется, в крови. “Раньше думай о Родине, а потом о себе”, – этим все сказано. Наши ветераны совместно с Управлением образования систематически проводили и проводят уроки мужества, конференции среди обучающихся в школах и детских садах, эстафеты и смотры – конкурсы в соответствии с историческими датами и событиями. И, конечно, в этой работе велика роль учителей- ветеранов, участников Великой Отечественной войны.

Еще 25 лет назад мы слышали от европейцев: “Русские не только свою страну защитили от агрессоров, но и спасли Европу, да и весь мир от фашизма... Спасибо русским”. Сегодня будто умом тронулись. Спасибо говорят Америке. И никто не хочет вспоминать слова английского премьер-министра Уинстона Черчилля, этого величайшего ненавистника советской России: “Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины”. Россия никогда не отрицала и не отрицает: да, Америка в войну оказала очень существенную помощь взаимы, то-есть по ленд-лизу – хорошими, технически современными самолетами, а также танками, автомобилями, продовольствием. Но, в то же время, мы помним, что США, Великобритания, Франция осторожничали, оттягивали открытие второго фронта до 6 июля 1944 года.

В таких условиях, когда фальсификаторы всех мастей пытаются оболгать героическую историю нашего Отечества, возникает необходимость сплотить ряды ветеранов, чтобы дать достойный отпор этому злу. А кто это сделает лучше, чем ветераны, которые не понаслышке знают, какой ценой заплачено за победу над фашизмом.

Время идет. Оно неумолимо.

Удивительная вещь человеческая память! Иногда мы помним то, что никогда не видели и не знали. Мы не мерзли в окопах, не месили сапогами грязь фронтовых дорог, не спасались от бомбежек, не теряли в бою верных товарищей. Но мы помним! Помним, каким страшным испытанием стала для советского народа, для страны война, помним, благодаря ветеранам – учителям, участникам Великой Отечественной войны.

Помнить, быть верными памяти погибших за свою Отчизну, означает не только простую человеческую благодарность, но и огромную гражданскую ответственность. Важно не потерять связующую нить времени и поколений. Пусть у наших детей и внуков останется память о тех, кто бился с врагом на

фронте, кто воевал в партизанских отрядах, кто ковал победу в тылу, кто страдал в фашистском плену, кто дошел до Берлина и кого сегодня нет с нами.

Молодое поколение сейчас смотрит в будущее, стремится противостоять злу. И этому способствует почитание памяти участников войны, сражавшихся за нашу мирную жизнь. Если мы не сохраним нашу память, то через 15-20 лет Великая Отечественная война для следующих поколений станет сухим фактом на пыльных страницах истории.

Сегодня среди учителей нет живых участников войны, всего четверо тружеников тыла. Им на смену пришли “дети войны”, ветераны труда. И, когда ряды фронтовиков редуют не по дням, а по часам, одно только вносит в наши дни успокоение: ряды “Бессмертного полка” с каждым годом пополняются все новыми и новыми солдатами. И герои моего рассказа уже зачислены в ряды “Бессмертного полка” навечно. “Бессмертный полк” – это наша национальная идея. Наша благодарная память о ветеранах войны становится бессмертной, так как не все остыли душой к Отечеству.

Память об Учителях, прошедших через горнило жестокой войны и оставшихся людьми с большой буквы, продолжается в сердцах и делах их учеников, их детей и внуков.

*Ветераны
у обелиска
Победы 9 мая.
Слева направо
Т.Г.Бабкина,
Б.С.Поляков,
М.А.Рисколенко,
И.Д.Гуськов
2020*

Любовь Сергеева, член редакционного совета книг-альбомов «Во имя мира на Земле», г.Удомля Тверской области

СТИХИ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВА

Александр Иванович Андреев – фронтовик, прошедший через все испытания войны. Годы учительства, воспоминания о фронтовых друзьях, размышления на темы сегодняшнего дня, боль за судьбу Родины, ярко выраженная гражданская позиция, – всё это нашло отражение в его стихах.

А.И. Андреев родился на тверской земле, в деревне Коняшино Старицкого района. О войне знает не понаслышке: в первые же дни он, совсем ещё юным, ушёл добровольцем на фронт.

1942 год. Западный фронт. Великие Луки. «Второй Сталинград»... Тяжёлое ранение, долгие месяцы выздоровления и вновь – суровые бои, каждый день жертвенности собой, чтобы жила страна, чтобы жили дети.

Огненные вёрсты... По ним, под беспощадным молохом войны прошагал Александр Андреев. И вот – долгожданная Победа! Но впереди – эшелон на Дальний Восток, где была ещё одна война – с Японией – и ещё одна Победа.

Война научила многому. Пришлось Александру Ивановичу побывать и связистом, и артиллеристом, и мотоциклистом, и шофёром. После войны, получив образование педагога, преподавал в школе немецкий язык. А воспоминания, сохранившиеся в растерзанной войной душе солдата, выплеснулись на поэтические страницы много лет спустя после тех страшных дней.

В День Победы

Пусть время проходит,
Пусть годы идут,
Страна будет помнить о том, –
О том, как весной
В сорок пятом году
Народ наш покончил с врагом.

Эта традиция
Стала для нас
Такой дорогой и близкой.
В День Победы,
В назначенный час
Приходим мы к обелискам.

Чтобы всем вместе
У Братских могил
Вспомнить нам снова и снова
О грозном времени
Том боевом,
О времени том суровом.

Вспомнить о тех
Беспокойных днях,
О трудных дорогах пройденных,
Вспомнить товарищей,
Павших в боях
За честь и свободу Родины.

Родина. Год 1942

Закат багров. Изрыто, смято поле.
Даль широка.
Страна моя не знала больше горя
За все века.

Мы отступали долго, долго, долго.
Теперь не сметь!
За нами Сталинград, за нами Волга.
Стоять насмерть!

Не дрогнем! Нет!
Стоять мы будем твердо!
Нас не сомнут.
И вот навстречу озверелым ордам
Войска идут.

Идут войска, на смертный бой готовы.
На бой за жизнь!
Фашистская непрошенная свора,
А ну, держись!

Стоим мы насмерть

Горят деревни. Снаряды рвутся,
Пот, кровь и слезы рекою льются.
В дыму все небо, в огне Отчизна,
Стоим мы насмерть во имя жизни.

Страна родная, беда с тобою,
Война грохочет уж под Москвою.
Здесь рвутся бомбы, гремят раскаты,
На бой кровавый идут солдаты.

Земля родная, твои мы дети,
Земля родная – одна на свете.
Земля родная в огне пылает,
В боях жестоких враг наступает.

За нами наша Москва – столица.
Назад ни шагу! Стоять и биться!
Стоять и биться! Держать присягу!
Москва за нами! Назад ни шагу!

Пожары слева, Пожары справа.
Стоим мы насмерть у переправы.
Стоим и бьемся, не отступаем,
Врага атаки все отбиваем.

Рассвет багровый, рассвет кровавый.
И в бой по новой, на смертный, правый,
Рассвет кровавый, как наше знамя,
И гул моторов навис над нами.

Завыли бомбы над нами прямо,
Земля вздыбилась и застонала.
В дыму все небо, в огне Отчизна,
Стоим мы насмерть во имя жизни.

Прошла бомбежка, и вот для боя
В живых осталось нас только двое.
В дыму все небо, в огне Отчизна,
Стоим мы насмерть во имя жизни!

Я был последним смертельно ранен.
Мы все погибли на поле брани.
Мы все погибли. Прощай, Отчизна!
Мы бились насмерть во имя жизни.

* * *

Досталась нам лихая, злая доля.
Пришла беда.

Страна моя не знала столько горя
За все года.

Страна моя такой беды не знала
За много лет.

В груди страны смертельный гул металла,
Кровавый след.

И с каждым днём всё больше слёз и горя
Второй уж год.

На сотни вёрст от моря и до моря
Грохочет фронт.

Коварен враг. На сердце горе комом.
Потерь не счесть.

Мы вспомним всё. А с горем мы знакомы,
Знакома месть.

Враг будет бит! Победа будет с нами! –
Наш вождь сказал!

И во всю мощь чудовища из стали
Куёт Урал.

И главный бой врагу готовим сами.
Не дрогнем уж!

Заговорим стальными голосами
Стальных «Катюш».

Потом вперёд сквозь визг и грохот боя, –
Нам нет преград!

И снова нашим станет наше поле!
Наш Сталинград!

Тимофей Кучинский, 16 лет, школа № 1409, Москва, неоднократный победитель Международного конкурса «Во имя мира на Земле»

ШЕЛКОПРЯД

*Тимофей
Кучинский
и Валериан
Денисович
Волков,
2021*

...Это было в те далёкие годы, когда только закончилась Великая Отечественная война, и советские люди с великим воодушевлением восстанавливали разрушенную войной страну. И в этом участвовали не только взрослые, но и дети – школьники.

Шёл 1952 год. Мой дедушка Валериан Денисович Волков был тогда учеником седьмого класса школы номер семь города Красноармейска Донецкой области. Приближались летние каникулы, и встал вопрос, – чем дети могут помочь стране?

В те времена активно развивалось парашютостроение, нужны были новые парашюты для десантных войск. И, соответственно, быстро развивалось шелководство.

В послевоенном Донбассе, недалеко от города Красноармейска, был совхоз-фабрика, который занимался разведением тутового шелкопряда. Там были цеха, в которых выращивали гусениц при определённой температуре. На этой фабрике можно было взять только что вылупившиеся из яичек червячков – два-три грамма и выращивать гусениц частным образом. В течение месяца надо было их вырастить, а потом сдать готовые коконы обратно на фабрику. И всё это за определённую плату.

Учительница моего дедушки поехала на эту фабрику и привезла малюсеньких червячков. Все они уместились на листке школьной тетрадки. Их было всего два грамма.

Школьникам была поставлена задача: довести этих «малышей» до куколок. За каникулы можно было сделать 3 выводка.

В течение месяца их выкармливают листьями тутовника. Через месяц гусеница становится большой, упитанной и превращается в куколку. Когда она плетёт куколку, то выделяет жидкость, которая на воздухе застывает и превращается в шёлковую нить. Куколка крутится внутри, и образуется восьми-сантиметровый кокон шёлка, белого или розово-оранжевого цвета. Ценился белый цвет. Этот кокон распаривают и сматывают в нити на фабрике.

Был июнь, стояла хорошая погода, и дети активно взялись за работу.

Червячков принесли в класс, разместили на одной парте. Рядом дети положили несколько листиков шелковицы, которой питаются гусеницы. Мгновенно все малявки облепили листики.

За неделю червячки выросли до пяти миллиметров. Они уже находились не на тетрадном листке, а на большой парте. Им уже стали давать большие листья шелковицы.

Затем червячки на сутки засыпали и линяли. Они сбрасывали свои шкурки. Дети в этот период отдыхали. После червячки становились вертикально, как маленькие человечки, и начинали махать своими головками, вновь просить еды. Им тут же подкладывали новые листья, и гусеницы начинали ими лакомиться.

После второй линьки они уже занимали половину класса. На партах лежали большие картонки, на которых размещались все гусеницы, которые уже увеличились в несколько раз! Они уже достигали в длину десяти-двенадцати миллиметров.

Дети обобрали всю шелковицу, которая росла возле школы. И чтобы накормить прожорливых гусениц, надо было ездить за город и привозить новую листву. У моего дедушки был велосипед, и он успешно справлялся с этой задачей.

На третьей линьке был забит гусеницами весь класс. И кормили их уже, – нет,

не листьями, а целыми ветками шелковицы! А эти «ребята» их шустро поедали. Они ели почти круглые сутки, начиная с пяти утра и до десяти часов вечера. Ночью гусеницы спали, а потом опять начинали есть. Они ели, ели и ели...

Но самым серьёзным испытанием оказался последний четвёртый период линьки. Это уже были огромные гусеницы, которые съедали всё мгновенно. Выглядело это так. Три класса были забиты щитами, на которых ползали эти «чудовища». А дети носились как сумасшедшие, – они с утра до вечера ездили по окрестностям и рубили ветки, еле успевая их приносить. Гусеницы мгновенно набрасывались на листву, и в классах стоял гул, скрежет, шорох чавкающих челюстей. Гусеницы опять ели, ели и ели... А когда листва заканчивалась, они вставали вертикально и трясли головками.

Детей заранее предупредили, что если гусеницы будут голодные, то начнут расползаться в разные стороны. И вот тогда будет ужас!

А тем временем начали замечать, что какая-то гусеница вдруг сделала сеточку, залезла туда и начала плести вокруг себя кокон. А коконы они могли сплести где угодно, даже на потолке, поэтому чтобы коконы были все в одном месте, школьники за городом на полях собирали такие сплетённые шары – «перекати-поле» и приносили в классы. Гусеницы в них укрывались и начинали дружно плести коконы.

Наконец школьникам принесли большие корзины, куда собрали коконы. Набралось шесть корзин. Дети перевыполнили норму в два с половиной раза! Сотрудники фабрики были в замешательстве: «Ну и пионеры, вот это дали!»

В школе вывесили стенд, на котором подробно было рассказано, как делается шёлк.

В завершении премировали всех! Всех, кто принимал участие в этом трудоёмком, но замечательном процессе. На эти деньги моему дедушке купили хорошие ботинки. И в этих ботинках он с гордостью пошёл в восьмой класс!

Раиса Родионова, член Союза писателей России, член Международной ассоциации писателей, член Правления РРОФИВА, Москва

«ЛИСТАЯ СТАРУЮ ТЕТРАДЬ...»

Случай, о котором хочу поведать, произошёл со мной глубокой осенью. Неожиданно представилась мне командировка. Это было настолько привычно, что я быстро собралась, и вот уже в тёплом вагоне скорого поезда умчалась вдаль. Незнакомый город встретил меня проливным дождём. Тяжёлые тучи нависали над городом. Когда я вышла из тёплого вагона и оказалась на прохладном перроне вокзала, мне жутко захотелось обратно в тепло. На улице было ветрено. Дождь безжалостно хлестал по лицу. Сошедших со мной вместе пассажиров было мало. Поезд стоял недолго, тяжело дрогнув всем составом, стал медленно набирать скорость, и вот омываемый потоком воды с небес, раскачиваясь последним вагоном, исчез вдали. Я прошла по перрону. У дежурного по станции, молодой женщины, которая куталась в ворот своей железнодорожной формы, я спросила, как мне найти ближайшую гостиницу.

– За углом, – коротко бросила она, указав, в каком направлении мне идти.

Идти под пронизывающим насквозь ветром было неудобно. Я ускорила шаги.

Мысли в голове путались, но одна так и прилипла: «Осенняя пора, очей очарованье...» вслух произнесла я. «Тебе бы, Александр Сергеевич Пушкин, сейчас со мной под эту мерзопакостную погоду, и интересно, какие бы слова пришли тебе на ум?» – ворчала я вслух, хотя обожаю осень.

Здание гостиницы выделялось среди других, хотя вывеска была достаточно скромной – «Советская». Быстро оформив номер, я поднялась к себе. Осмотрелась, подошла к окну, там редкие пешеходы под зонтами спешили укрыться от осенней прохлады. А ветер, ах, какой озорник! Так и пытается выхватить из рук промокших прохожих зонты, выворачивая спицы... У меня даже мороз по коже про-

бежал, наблюдая эти картины из окна, по которому так и барабанит нудный дождь.

– Так, скорее согреться, – вслух произнесла я и, конечно, побежала под струю горячей воды в душевую. Долго стояла под тёплым водопадом, согреваясь каждой клеточкой промёрзшего тела. Когда я согрелась под струями горячего душа, меня разморило. Укутавшись в банное полотенце, я нырнула в кровать, под тёплое одеяло, и тут же провалилась в сон. Проснулась отдохнувшей, блаженно потягиваясь, я решила переложить вещи из рюкзака в прикроватную тумбочку. Заглянув в неё, я обнаружила там изрядно потрёпанную общую тетрадь. Взяла её в руки и открыла первую страницу. Красивым ровным почерком было написано: «Дневник сапёра». Мне это было интересно, но читать чужие дневники было как-то неловко. Во мне два человека спорили между собой. Один предлагал прочитать, другой отрицал. Немного посомневалась...

Решение пришло мгновенно, и я собралась и спустилась к администратору.

За круглой перегородкой, там, внутри, сидела сухощавая девушка с выжженными от краски сухими волосами. Она что-то писала на листке бумаги. Униформа на её худющем теле свисала в гармошку.

– Добрый вечер! – улыбнулась я, заглядывая к ней сверху. Кивком головы мне дали знать, что человек занят.

– Девушка, а кто проживал до меня в моём номере? – обратилась я к ней.

– Мы не даём такую информацию, – сухо ответила она.

– Девушка, но это очень важно. Возможно, это был, РОМАНЮК ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ? Человек забыл свою тетрадь.

– Если бы она ему была нужна, он давно бы позвонил. Ваш номер свободен уже несколько дней. Выбросьте тетрадку и не морочьте мне голову, – всё более раздражаясь, резко ответила она мне, дав понять,

что разговор окончен.

Переминаясь с ноги на ногу, я потопталась на месте.

- Девушка, - взмолилась я.

- Слушайте! Вы меня достали. Я занята, а вы мне голову морочите со своей тетрадкой, - зло выкрикнула она, прервав меня на полуслове.

Я поняла, что девушке нужно с кем-то поругаться. Видимо, её укусила зловредная муха. И теперь этот укус в ней бушует, пробурился изнутри, просится наружу. Вот вот взрыв эмоций вырвется вулканом, изрыгая злость.

- Понятно, буркнула я и отошла в сторону. Ей нужен был объект для скандала, а мне, выпавшему и счастливому человеку, этого совсем не хотелось. Пусть мишенью будет другой... «Лучше я схожу и поем», - промелькнула в голове приятная мысль, и я ушла искать ресторан. Нашла без компаса, по запаху.

Столик мне достался вполне приличный, с хорошим обзором всего зала.

Сбоку огромное стекло, за которым целый мир. Там было мокро и неинтересно. Шёл нудный осенний дождь, заблудившиеся прохожие, укрываясь под зонтиками, спешили укрыться в помещениях. Струи дождя по стеклу ресторана ручьем стекались вниз, образуя на асфальте лужи.

- Добрый вечер! - услышала я приятный баритон.

Я обернулась, передо мной стоял высокий и красивый молодой официант. Его галантность обескураживала.

- Здравствуйте, - ответила я и взяла в руки протянутое им меню в кожаном переплёте. Надо же, в глубинке, а с шиком. Пробежала глазами по аппетитным названиям блюд. Я готова была съесть в этот момент и слона.

- Вот это и это, - пальцем ткнула я в строку меню и мило ему улыбнулась. До чего же хорош, - невольно пронеслось в голове, когда я провожала взглядом его статную фигуру, прямо-таки красавчик, из журнала.

Пока ждала свой заказ, размышляла под звуки тихой приятной мелодии о пре-

вратностях жизни. Вот только что я общалась с «неприятнейшей» особой, покусанной зловредной мухой... И стоило пройти всего несколько шагов. И словно попала в другое измерение, передо мной сама вежливость, галантность и красота. Разнообразное меню, и цены вполне доступны для командированного человека. Ну, всё прямо как в сказке. Чудеса да и только.

- Спасибо, всё было вкусно, - сказала я, рассчитавшись с официантом...

Идти на улицу в дождь мне не хотелось. Поднялась в номер. Телевизор стоял сиротливо в углу и смотрел на меня, но его включать мне тоже не хотелось.

Побродив по номеру, я, сытая и довольная, свалилась на постель и просто смотрела в потолок. Мне было хорошо. Распластала руки по кровати и коснулась тетради, которую я оставила на постели. Желание заглянуть внутрь было сильным. Я тут же уселась на постели, открыла первую страницу и начала читать. Чёрно-белые фотографии аккуратно вклеены на страницы...

Читать было легко. Язык простой и впечатляющий. Прочитав весь дневник и закрыв последнюю страницу, я вдруг представила себе прочитанный сюжет словно воочию. Воображение моё оказалось в тех местах, о котором писал хозяин дневника.

- НА ВОЙНЕ БЕЗ ЖЕРТВ НЕ БЫВАЕТ, - я прошлась по своему номеру. Размяла затекшее тело, сделав несколько упражнений для разминки, я вновь уткнулась в тетрадь, лихорадочно перелистывая страницы. Я нашла то место, где описывался момент гибели одного сержанта.

Штык - вот такая фамилия досталась ему от его родителей, а Бог наградил недюжинной силой этого паренька, которому суждено было оказаться на Афганской войне.

- Пётр, - услышал он, пробегая мимо вольтера с собаками.

- Ну?

- Калачи гну! - вальяжно подошёл к нему солдат, земляк с его деревни. - Пляши, письмо тебе!

– Счас я тебе так спляшу, мало не покажется! Не забывай, я командир!

– Во угораздило! С малолетства вместе без подштанников бегали, а тут подчиняйся ему, – беззлобно проворчал солдат, но подтянулся в стойке смиренно. А как же! Уважал земляка... – прочитала я вслух и опять прошлась по номеру. Казалось, там внизу я поела хорошо, но почувствовала, что хочу кушать. Отложила тетрадь и спустилась вниз. Еда была вкусной и сытной, но я на всякий случай взяла с собой воды и бутербродов, чтобы не отрываться от чтения дневника чужого мне человека. Пока поднималась к себе, всё вспоминала строки из дневника.

«Штык был одним из самых опытных сапёров взвода и хорошим помощником командиру взвода, заслуженные ефрейторские погоны красовались на его плечах. Штык в это время был ефрейтором и занимал должность старшего сапёра-пулемётчика. Рослый деревенский крепкий парень прослужил в полку почти год и был награждён медалью «За боевые заслуги». Пётр, так его звали, попал на службу в армию уже после окончания техникума. По возрасту он был старше отдельных дембелей и старослужащих. А потому слово ефрейтора имело определённый вес в коллективе, он пользовался заслуженным авторитетом».

Удобно устроившись, я вновь стала перечитывать чужой дневник.

– Так, где я тут остановилась? Про авторитет ефрейтора я читала. Вот тут и начала читать вслух:

«И для меня, молодого взводного, это было удачей! И самое главное – парень обладал такой звучной и твёрдой фамилией – Штык.

После того, как меня представили взводу, я узнал о том, что из четырёх сержантов взвода один находится на лечении после ранения, а из троих оставшихся двое в ближайшие дни увольняются в запас. С сержантом Петром Штыком мы быстро нашли общий язык практически с момента знакомства. А бывший командир взвода – старший лейтенант Дадочкин Сергей, у

которого принял дела и должность, охарактеризовал ефрейтора одним словом «шарящий». На файзабадском сленге это могло значить, что парень толковый, грамотный, надёжный. Через неделю ознакомления назначение состоялось, и заместитель командира Пётр Штык приступил к своим обязанностям с обучения командира взвода. Именно так. Странно, меня, командира взвода, обучает ефрейтор, но мне это нравилось. Все премудрости и особенности минирования дорог, троп, старых позиций, бродов, ущелий я узнавал из уст Штыка. По несколько часов в день я постигал то, чему в Союзе не учили. Уже через неделю я безошибочно сам работал с миноискателем и щупом, уверенно снимал установленные растяжки, замыкатели, ловушки и прочие хитрости из «личного багажа» замкомвзвода Петра ШТЫКА. В перерывах между выходами на боевые я совершенствовал своё личное мастерство, учился управлять группами разминирования и взводом в различных ситуациях боя. Совместно с заместителем Штыком в короткие сроки мне удалось добиться высоких показателей во взводе. И всё было замечательно. **НО ТУТ ПРИШЛА БЕДА!** Беда со Штыком произошла нелепо, как и всё на войне.

Его гибель – была очень горькой для меня и единственной во взводе за время моей службы в Афганистане. В гибели Петра больше всего корил я себя сам.

А ПРОИЗОШЛО СЛЕДУЮЩЕЕ: На «точке», в районе крепости Бахарак, куда выбросили вертушки, подразделение готовилось ко сну. Прямо под открытым небом, под стеной дувала, сапёры улеглись отдыхать на плащ-палатках. Бесконечное количество звёзд в тёмном небе висело над спокойно засыпающими сапёрами. Меня клонило ко сну, но Пётр, лежащий рядом, не давал уснуть, рассказывая какую-то длинную историю. Ему не спалось. Предчувствие чего-то недоброго тревожило младшего сержанта. Сон его сморил под утро. Рассвет в горах происходит быстро, первые лучи солнца выглянули из-за высоких гор и словно кто-то в ночи включил

лампочку, – свет, и всё вмиг озарилось во круг. С рассветом, наскоро позавтракав и собравшись, сапёры двинулись к месту построения. Краткий инструктаж и команда «вперед». За ними вытягивалась «броня». В её состав вошли БМП-1 (боевые машины пехоты), гаубичники. Кроме начальника инженерной службы полка майора Владимира Ломакина и командира первого взвода старшего лейтенанта Алексея Смирнова этот маршрут ранее не проходил никто из офицеров роты. Полностью доверяя опыту старшего инженерного начальника, сапёры проверяли самые опасные места на маршруте. Скорее всего, у НИСа полка были и другие источники информации (разведданные, аэрофотоснимки, агентура из числа местного населения). Но самым главным козырем был некий афганец, сидевший на носу первого БРДМа.

Как только он начинал нервничать, сапёры спешивались и приступали к работе. Группы работали перекатом, поочередно продвигаясь вперёд, что обеспечивало достаточно высокий темп движения колонны в горных условиях. Каждая группа отмечала чертой на дороге начало своего участка и работала до тех пор, пока не упиралась в черту впереди работающей группы. Мне нравилось руководить работой группы. Особое внимание обращал на работу бойцов с миноискателями. Именно на их опыт и идеальный слух я и рассчитывал. С некоторой периодичностью я выбрасывал в пыль дорожной колеи патрон из рожка автомата. А через несколько минут его находил солдат с миноискателем и возвращал мне. Этому приёму научил Штык. Внимание и чёткая работа, – этого я требовал от своих подчинённых. Рядом с сапёрами находилось боевое охранение. С каждой группой разминирования неразлучно следовало рядом отделение разведчиков. Для них такая задача на первый взгляд была прогулкой и развлечением. И только опытный человек безошибочно определял, что, несмотря на маску беззаботности и показного веселья, разведчики чётко отслеживали каждый свой закреплённый сектор, были в постоянной готовности отразить

возможное нападение. Мой позывной «Эхо-17» изредка запрашивал старший начальник. Обстановка, люди, нужен ли привал? Короткие вопросы, такие же короткие ответы. Группа работала уверенно, обеспечивая требуемый темп.

29 августа 1987 года три группы разминирования к 13 часам прошли Малый Каракамарский перевал. Выйдя на просторную зелёную долину с деревьями, кустами и заставой танковой роты, мы оглянулись во круг. Казалось, что чудесней места в природе не найти. Объявили «привал». Рота приступила к обеду. Пообедали на скорую руку. Командир полка вызвал НИСа и ротного. В ранее утверждённый план были внесены коррективы, и вместо группы разминирования № 2 в этом райском уголке оставалась группа № 3 старшего лейтенанта Шестакевича. Пожелав друг другу успехов, сапёры двинулись дальше по маршруту. Впереди нависал Большой Каракамарский перевал. Дорога поднималась вверх серпантинном. В самых высоких точках отвесная пропасть составляла более 70 метров. БРДМы, хотя машины и небольшие, а в отдельные повороты серпантина вписывались со второго, а то и с третьего раза.

Спустившись с перевала на более ровное плато, сапёры с разведчиками с ходу влетели в кишлак. Старейшины вышли и запросили разговора с командиром полка. Возможно, этот разговор и стал причиной дальнейших последствий? Не знаю, я просто со стороны наблюдал за общением старших офицеров с афганскими авторитетами местного кишлака. В разговоре принимали участие вместе с командиром полка – начальник разведки («Канарис»), начальник инженерной службы полка и ещё несколько человек. Разговор в тени деревьев командования полка со старейшинами дал возможность личному составу немного передохнуть. Бойцы отгоняли от машин вездесущих бачат, которые с присущей только этим детям востока наглостью могли, глядя тебе в глаза, воровать всё, что плохо лежит или закреплено на машине. Дети помоложе выпрашивали

консервы, постарше пытались сторговаться и приобрести у солдат любые товары, от продуктов до боеприпасов. Всего на машине собралось около 20-ти человек. Я со своей группой и с Алексеем Липатниковым, глотая пыль, поднимающуюся из-под колёс первой машины, старался не отставать от неё. На втором БРДМе было посвободнее (12 человек). За БРДМами двигались два «Урала» со взрывчатыми веществами и скарбом роты, ну а далее прикрытие в составе двух БМП разведчиков. По праву командира группы взводный восседал на самом почётном месте брони. «Ресничка» (бронелист) водительского окна в поднятом виде представляла собой «кресло». На неё, как правило, укладывались бронезилеты (подушки), скорее для того, чтобы смягчить воздействие на пятую точку в ходе движения по кочкам. На «ресничке» приходилось сидеть, широко расставив ноги, чтобы не заслонять обзор механику-водителю. Обзор был действительно ограничен, поэтому он мне изредка показывал указательным пальцем под «ресничкой», в какую сторону водителю необходимо повернуть руль, чтобы объехать то или иное препятствие. На второй «ресничке» восседал командир четвертого взвода лейтенант Липатников. Для Алексея это была, по сути, первая операция, хотя в Афганистане он пребывал на несколько месяцев дольше меня. Лейтенанты изредка перекидывались словами. Недоумение вызывало то, что уже более 20 минут ООД двигался с приличной скоростью, абсолютно не проверяя маршрут. Риск? Уверенность в словах старейшин, что дороги не заминированы?

В очередной промоине мой БРДМ на подъеме заглох. С третьей попытки механик-водитель оживил мотор, и машина выползла на очередной участок плато. Первая группа оторвалась уже более чем на 100 метров. Справа гремела своими водами горная быстро текущая река Кокча, а слева в двухстах метрах начинали подниматься вверх горы. На противоположном берегу реки виднелся довольно крупный кишлак.

– «Догоняй», – получил команду меха-

ник, и БРДМ на этом прямом участке достиг невероятной скорости в 50 км/час. До первой машины оставалось примерно 30 метров. Именно в этот момент случился подрыв. Подрыв!

Подрыв. Ужас и оцепенение очевидцев. В момент взрыва я увидел, как БРДМ, шедший впереди, резко подпрыгнул на ярком огненном шаре и замер. Вправо в воды реки Кокчи летело вырванное взрывом колесо машины, а по краям поднимающегося чёрного облака как-то неестественно разлетались люди и имущество, находящееся на броне БРДМа. Машина второй группы застыла в двадцати метрах от места подрыва. Я быстро соскочил с машины, ошарашенный увиденным, бегом устремился к облаку рассеивающегося дыма и пыли. Но через секунду я резко остановился. «А ведь это засада», – промелькнуло в голове. «Леша, связь! Наблюдать горы! Прикрытие на блок! Вызвать вертушки!» Резкие команды командира группы мгновенно вернули всех к реальности. Краем глаза я заметил, как в кишлаке за речкой резко взметнулись три шеста с закреплёнными на них зелёными и синими тряпками. Сигналят! Но кому? Из оседающего облака пыли начали появляться люди. Девять бойцов вышли самостоятельно и повалились в стороне от БРДМа. Возле подорванной машины находилось ещё порядка десяти человек. В разгрузке у меня имелись обезболивающие средства, и первая помощь раненым бойцам и офицерам стала для меня в этот момент основной задачей. Главное обезболить и вывести из шока пострадавших до прибытия полковых медиков и вертолётов. Минут тридцать, раньше не прилетят, – пронеслось в голове, когда доставал коробку с шприц-тюбиками промедола. Осевшая пыль и гарь от взрыва сделала лица пострадавших практически не узнаваемыми. Не знаю почему, но работал я быстро. Пульс, пощечина, осмотр повреждений, укол. После этого бойцы выносят раненого от места подрыва к пересохшему арыку. Четвёртым по счёту пострадавшим оказался старший лейтенант Смирнов.

Виталий лежал, как и большинство раненых, на спине. Правая часть тела имела небольшие ожоги, но видимых повреждений я не обнаружил. Тело командира первого взвода было бездыханным, пульс не прослушивался. Всё равно обезболю, затем прямой массаж сердца и искусственное дыхание, решил я, чтобы лейтенант пришёл в себя... Сделав укол, я с силой разорвал на груди Смирнова маскхалат и попытался прослушать биение сердца. Приложив голову к груди Виталия, я резко отшатнулся. Грудная клетка командира первой группы разминирования была мягкой как желе. Виталий, ты погиб. В метрах четырёх от тела Смирнова я опознал начальника инженерной службы полка майора Ломакина. Смерть, видимо, была мгновенной. Майор лежал с открытыми глазами, на которые густым слоем опала пыль и гарь. Подбежавший Алексей Липатников доложил, что вертушки в пути, а командир полка требует доклад об обстановке и потерях. Переходя к очередному пострадавшему, я громко выругался непереводимым русским фольклором и послал Алексея докладывать о трёх «двухсотых». Следующим, кто ждал оказания помощи, оказался командир роты старший лейтенант Оверчук. Подлую мысль не обезболить ротного в отместку за гибель Штыка я тут же отогнал. Ротный получил тяжелейшую контузию, несколько переломов и ничего не видел. При всех этих увечьях он был в сознании и что-то пытался говорить. Обезболив ещё несколько раненых, в том числе и афганского проводника, я отправил двух солдат проверять площадку для приземления вертолётов. Отдав необходимые указания, я решил осмотреть БРДМ. Внутри машины находилось тело ШТЫК. Послышался гул вертолётов. Алексей Липатников, уже находясь на площадке приземления, обозначил её оранжевым дымом. Пара восьмёрок пошли на посадку, а их прикрытие (пара Ми-24) барражировало над местом подрыва. Началась погрузка раненных и погибших. Медики уточняли, кого и в каком объёме обезболивали, время наложе-

ния жгутов, кому-то меняли повязки. ВСЁ БЫЛО В ДВИЖЕНИИ.

Одна из 24-ок выпустила кассету «нурсов» по какой-то цели за ближайшей горой. Восьмёрки взлетели и рванули на Файзабад по ущелью над рекой. Прибыл командир полка и начал уточнять на месте, как произошёл подрыв. Я доложил. Подполковник обратил внимание также на шесты в кишлаке и поднимающийся разведвзвод на высоту над местом подрыва. Задав ещё несколько вопросов мне, командир полка отдал команду сапёрам быть в готовности, а сам двинулся к КШМке докладывать в Кабул. Проводив командира полка, грязные, чумазые, с окровавленными от перевязок руками, лейтенанты решили умыться в Кокче. Берег оказался обрывистым, высотой не менее двух метров. Спрыгнув к воде, офицеры стали приводить себя в порядок. Умывшись, я закурил сигарету и вслух стал обсуждать сложившуюся ситуацию. Причины подрыва не обсуждались, всё и так было очевидно. Именно в этот момент размеренный и спокойный разговор лейтенантов нарушили несколько взрывов. Началось! За разрывами миномётных мин начался обстрел из стрелкового оружия. Пули ложились по всей площади участка плато, где подорвался БРДМ сапёров. Стреляли с гор, так как отдельные очереди ложились, перелетая обрывистый берег над головами лейтенантов в воды Кокчи. Офицеры только сейчас осознали, что вышли на берег реки безоружными, и неизвестно, чем ответит безлюдный на первый взгляд кишлак. Выглянув из-за своего природного укрытия, я в сердцах выругался матом. Часть группы разминирования, укрываясь от обстрела, залегла под «Уралом», в кузове которого перевозили взрывчатые вещества. Все вокруг стреляли. Но настоящий бой развернулся на высоте, куда поднялся разведвзвод. Взрывы, стрельба. БМПшки вели огонь из пушек по горам, а один из БТРов наоборот обстреливал кого-то на окраине кишлака за рекой. Переглянувшись, лейтенанты короткими перебежками (как учили – уступом) бросились к своим. Первым бежал Алексей. Наблюдая, как ря-

дом с ним вздымаются фонтанчики пыли от пуль, мне стало не по себе. Очередной раз падая в пыль и перекатываясь в сторону, я подумал: «Вот так умылись!» Обстрел продолжался несколько минут. За это время Алексей занял место пулемётчика в БРДМе и принялся вести огонь из КПВТ, а я по арыку отвёл группу сапёров в «мёртвую» зону, недоступную для обстрела из стрелкового оружия. С высоты спускался раненный в предплечье разведчик. На помощь ему я тут же отправил двух бойцов. Уже спустившись, он рассказал, что, поднявшись на гребень высоты, их взвод «нос к носу» столкнулся с группой «духов». Последние чуть правее занимали позиции с пулемётами. Внезапная встреча застала врасплох и тех, и других, поэтому короткое боестолкновение и жёсткий отпор разведчиков не дали возможности «духам» вести прицельный огонь, а самое главное, «духи» в первые же минуты потеряли расчёт миномёта. Теперь в голове сложилась ясная картинка произошедшего.

Первое. «Духи» не предполагали, что к фугасу передовая группа полка доберётся раньше, чем они займут позицию засады по своему плану. Второе. Вертолеты прикрытия группу духов обнаружили и обстреляли. А вышедшие на занятие блока разведчики отразили нападение и заставили противника, понесшего потери, отходить. Третье. Сигналы из кишлака имели определённый смысл. Становилось очевидным, что всё могло бы сложиться совершенно иначе, если бы отряд обеспечения движения втянулся в подготовленную «духами» засаду по их сценарию. После короткого боя командир полка собрал офицеров и объявил своё решение. Дальнейшее продвижение прекратить. Закрепиться на данном участке маршрута. Провести более детальную разведку противника и местности. Начало движения с наступлением утра следующего дня. Сапёры отогнали «Урал» с тротилом в сторону, ближе к горному склону, и выставили охранение. Остальная команда приступила к приготовлению ужина и оборудованию мест отдыха. «Чёрный» для файзабадских

сапёров день 29 августа 1987 года клонился к закату. Не буду врать, что я не испугался потери наших ребят, но внутренняя мобилизованность и злость помогли мне в экстремальных условиях без паники принимать правильные решения. Конечно, было страшно. А что дальше, а вдруг эти проклятые духи начнут сейчас пальбу? Были у меня и сомнения в правильности моего решения... Но всё же я переборол мандраж и не поддавался панике. Уже поздним вечером мы с Алексеем, выпив половину фляги спирта на двоих, помянув погибших, погрузились в сон. Моральное состояние не только офицеров, но и солдат группы разминирования оставляло желать лучшего. Сон должен был снять усталость, чтобы утром группа была готова к новым испытаниям, а их в Афгане много»...

На этом запись заканчивалась. Я перелистала все страницы в надежде найти продолжение... Но, увы. А что было дальше? И живой ли этот храбрый лейтенант Владимир, думала я, положив тетрадь себе на грудь и смотря в потолок... Вот они, простые офицеры, с честью выполнившие свой интернациональный долг... Хотя, я много раз слышала один и тот же вопрос: «А кому и когда ребята задолжали интернациональный долг?» Вопрос, на который ответа нет...

Ход моих мыслей прервал негромкий стук в дверь.

– Открыто, входите!

– Разрешите? – дверь приоткрылась, и на пороге появился высокий, статный мужчина. По его подтянутой выправке и короткой стрижке я сразу определила – военный.

– Входите, – встала я с постели.

– Я за этой тетрадкой, – кивком головы он указал на неё.

– Извините, – я по-настоящему смутилась, – я без разрешения прочла.

– Прочли?

Наступила неловкая пауза. Он стоял у входа и переминался с ноги на ногу. В его больших карих глазах застыл немой вопрос.

Галина Брюквина, обладатель Гран-при Международного конкурса «Во имя мира на Земле», руководитель литературного объединения «Чайка» г. Удомля, Тверская область

Три войны

Я знаю три войны:
 Одну – прошли победно наши деды,
 И в небо синее чужой страны
 Взметнулось знамя красное Победы!

А нашу юность обагрил Афган
 Невинной кровью одноклассников мальчишек.
 Война прожгла и ум, и душу нам
 Строкой, ожившей из любимых книжек.

А дети наши брошены в Чечню.
 Опять невинным лить и кровь, и слёзы.
 И снова матери в слезах клянут войну.
 И стали символом беды Чечня и Грозный!

Я миру озверевшему кричу:
 «Для жизни на Земле приходят дети.
 Я больше знать о войнах – НЕ ХОЧУ!
 Пусть будут прокляты все войны на планете!»

Галина Ржевская

*стихотворение написано в период жизни
 этой удивительной, мужественной
 женщины (1985 г.)*

В горьком вальсе кружились вьюги
 Суровой военной зимы.
 Изувечили девочке руки
 Фашистские палачи.
     Полумёртвой её в сугробе
     Нашли медсестра и солдат.
     И застыли от ужаса оба,
     На обрубки пальцев глядят...

Но беда одна не приходит...
 Слёзы детские горячи...
 Отморозила девочка ноги,
 «Ампутировать» – скажут врачи.
     У ребёнка какая воля!
     По колено не стало ног,
     Но сквозь ад нестерпимой боли
     Проявиться характер смог.

Улыбнулась врачу при встрече...
 Врач седой опустил глаза...
 Успокоить, помочь бы... Нечем!
 «Как зовут тебя?» – вдруг сказал.

Как зовут тебя, девочка, чья ты?
 Только вьюги плачут навзрыд.
 Дали отчество в честь солдата,
 Дали имя той медсестры.
 А фамилию дали – РЖЕВСКАЯ,
 Подо Ржевом её нашли.
 А семьёй стали люди советские,
 Те, что выжить ей помогли.
     Сколько Гале досталось муки?!
     Каждый день – это бой судьбе.
     И уверенней стали руки,
     Шаг уверенней по земле.

Но душе её терпеливой
 Потрудиться пришлось не зря –
 Стала Галя, как все, счастливой,
 Есть и дело своё, и семья.
     Где взяла она столько силы,
     На судьбу свою разозлась?
     Говорят, что танцует красиво,
     Говорят, она любит вальс.

Ей дано над бедой смеяться.
 Поклонитесь её красоте!
 Как легко она кружится в вальсе,
 Как ей трудно ходить по земле!..

Наш город

Вот здесь живут человеки
 Под неба синими сводами.
 Стекаются улицы-реки
 В судьбу любимого города.

А в окнах вечерних – свет.
 Ах, если б было возможным,
 Чтоб он нам давал ответ,
 Спокойный он или тревожный!

Ах, если б было возможным,
 Такие сердца в нас стучали,
 Чтоб, свет увидев тревожный,
 На помощь люди бежали.

Ведь здесь живут человеки!
 Кто старится, кто ещё молоды.
 Стекаются судьбы-реки
 В судьбу любимого города!

Валентина Бороденко, 13 лет, ДШИ имени Г.Ф. Пономаренко
п. Новомихайловский, Краснодарский край

«В лесу прифронтовом», бумага, акварель, гелевая ручка, 2021